

С.А. Осокина

Тезаурус – информационная сеть культуры

S.A. Osokina

Thesaurus as the Information Net of Culture

Цель статьи состоит в обосновании представления о тезаурусе как об информационной сети культуры. Задачи: 1) проследить историю развития понятия «тезаурус»; 2) продемонстрировать возможности тезаурусного анализа языковых явлений для изучения информационной сети культуры; 3) установить экспланаторные потенции понятия «тезаурус» для лингвистической интерпретации продуцируемой культурой информации. В статье рассматривается история развития понятия «тезаурус» в лингвистике и других направлениях гуманитарного знания, выявляются предпосылки для обоснования представления о тезаурусе как информационной сети культуры. Излагается тезаурусный анализ наиболее популярных у современного российского читателя литературных произведений, делаются выводы о том, как формируются основные информационные узлы современной российской культуры. Выводы по проделанной работе раскрывают экспланаторный потенциал тезаурусных исследований для изучения информационной сети культуры.

Ключевые слова: тезаурус, культура, информация, устойчивое сочетание слов.

Тезаурусные исследования – одно из новейших и весьма актуальных направлений исследования современной лингвистики. Изучением тезаурусных связей языковых единиц занимаются представители когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и других отраслей гуманитарного знания, связанных с постижением бытия человека в информационном мире.

Цель статьи состоит в обосновании представления о тезаурусе как об информационной сети культуры. В современной лингвистике для формирования подобной точки зрения имеется достаточно предпосылок, для раскрытия которых необходимо: 1) проследить историю развития понятия «тезаурус»; 2) продемонстрировать возможности тезаурусного анализа языковых явлений для изучения информационной сети культуры; 3) установить экспланаторные потенции понятия «тезаурус» для лингвистической интерпретации продуцируемой культурой информации. Однако прежде всего необходимо раскрыть суть понятия «информация».

Существует, по крайней мере, три представления о сущности информации: 1) естественно-научное

The purpose of the article is to create foundation for the conception of the thesaurus as the information net of culture. The tasks include: 1) to present the history of the thesaurus studying; 2) to demonstrate how the thesaurus analysis of language facts can help to study the information net of culture; 3) to reveal explanation potential of the thesaurus conception for linguistic interpretation of the information cultural net. According to the tasks the article can be divided into three main parts. The first part is devoted to the history of the thesaurus studying in linguistics and other liberal arts. The second part gives the thesaurus analysis of the most popular in Russia pieces of literature. The third part provides conclusion on the explanation potential of the thesaurus conception.

Key words: thesaurus, culture, information, set collocation of words.

представление о физической природе информации, 2) техническое представление об информации, изучающее способы вычисления всех информационных процессов, и 3) семиотическая концепция, предполагающая существование информации в виде семиотических сущностей – знаков языка и культуры.

Естественно-научное понимание информации предполагает ее материальную природу: «Информация в организме передается молекулами и ионами, она имеет химическую природу» (Волькенштейн М.В., цит. по: [1, с. 177]); «Обмен информацией между нейронами головного мозга происходит посредством электрического (нервного) импульса, хотя передача ее через синапс осуществляется химическим способом» [2, с. 158].

Техническое представление о сущности информации восходит к трудам К. Шеннона. Информация определяется математически через «количество информации»: «Информация, или более точно, количество информации – есть мера сложности структур, предлагаемых восприятию» [3, с. 14].

Для исследования информационных процессов культуры, конечно, необходимо опираться на семиотическое

понимание сущности информации, однако собственно разработкой данного понятия семиотика не занимается. Термин «информация» обычно используется как вспомогательный при определении понятия «значение знака»: значение знака – это содержащаяся в нем информация, соответственно, информация – это значение знака.

Тем не менее, учитывая понимание природы информации в естественно-научном и техническом плане, стоит обратить внимание на то, что информация – это, скорее, не константная сущность, а некий процесс, существующий как обмен веществом в физическом смысле, который можно запечатлеть и изучать в виде сложной структуры (от технического представления об информации). Соответственно, и в семиотическом плане под информацией следует понимать не столько значение, стоящее за знаком, сколько, во-первых, процесс перехода одной семиотической формы в другую, некий семиотический «обмен веществ» на уровне знаков – переходы от одного знака к другому или из одного знака в другой, т.е. связи знаков, и во-вторых, изучать эти процессы необходимо в виде сложных знаковых структур.

Лингвистическим понятием, актуализирующим оба названных параметра – связи языковых знаков и способы их структурирования, является тезаурус. Использование данного понятия весьма актуально в современной лингвистике, и его нынешняя трактовка значительно отличается от традиционного представления.

Традиционно тезаурус определяется как «1) словарь, в котором максимально полно представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах; 2) идеографический словарь, в котором показаны семантические отношения (родовидовые, синонимические и др.) между лексическими единицами» [4, с. 506]. Представление о тезаурусе как об особом словаре идеографического толка доминирует в лингвистике и в настоящее время. Однако развитие информационно-поисковых тезаурусов на электронных носителях, а также работающих онлайн в сети Интернет, актуализировало изначальное представление о тезаурусе как о хранилище информации (напомним, слово «тезаурус» происходит от греческого *thesaurós* «сокровищница», «хранилище»).

Вместе с ростом тезаурусных словарей развивается и число лингвистических исследований, анализирующих семантические структуры языкового тезауруса. Тезаурус изучается как когнитивная система хранения информации в голове человека и как объективно существующая языковая данность, играющая роль в развитии отдельного индивида, а также социума и культуры в целом.

Соответственно, можно выделить, как минимум, три представления о сущности тезауруса: 1) тезаурус – это особый словарь; 2) тезаурус – это когнитивная система знаний в голове человека, 3) тезаурус – это особая языковая, и шире, культурологическая данность.

Для раскрытия представления о тезаурусе как о словаре особого типа необходимо проанализировать структуру построения имеющихся в настоящее время тезаурусных словарей. На основе исследования англоязычных и русскоязычных тезаурусных словарей можно сделать вывод о том, что способы организации опубликованных к настоящему времени тезаурусных словарей настолько различны, что трудно выделить то общее, что их объединяет и позволяет им всем называться словом «тезаурус». Слова и выражения систематизируются в разных словарях по противоположным критериям: по принципу синонимии и антонимии, раскрытия синтагматических контекстуальных связей слов и парадигматических иерархий слов, формируя интертекст и гипертекст. Однако, несмотря на всю разнородность тезаурусных словарей, их объединяет одно – они раскрывают значение слова не путем его определения, как в толковых словарях, а путем экспликации семантических связей данного слова с другими словами. Различие между словарями состоит в том, что они эксплицируют разные типы связи – синонимические, тематические, контекстуальные и другие. В связи с этим встает вопрос о том, какой тип связи стоит признать ведущим с точки зрения отношения слов в составе тезауруса.

Что касается информационно-поисковых электронных тезаурусов, то их объединяет тот факт, что все они представляют собой гипертекст, т.е. нелинейный текст с множеством ссылок на другие тексты [5]. Строение таких информационно-поисковых тезаурусов практически идентично устройству электронных энциклопедий, таких как *Encyclopedia Britanica* или свободная интернет-энциклопедия *Wikipedia*.

Тезаурусные словари и поисковые системы особым образом организуют языковую информацию – по понятийному (концептуальному) принципу, при котором с каждой заглавной лексемой, имеющей дескрипторный, понятийный статус, соотносится целая группа связанных с ней понятий. Такой способ организации информации соответствует общепринятым представлениям о системе организации знания в голове человека, поэтому термин «тезаурус» оказался весьма перспективным для ее обозначения. Так, в культурологических и социологических исследованиях тезаурус понимается следующим образом: «...такая организация информации у индивида, которая теснейшим образом связана с его местом в обществе и в макро-, и в микросоциальном пространствах» [6, с. 10]; «...все богатство, весь запас знаний, опыта, определенным образом организованный в голове человека» [7, с. 30]. В лингвокогнитивных исследованиях тезаурус сравнивается с понятием памяти, и если память характеризуется как «полный набор воспоминаний о всех чувственных переживаниях и эпизодах человеческой жизни», то тезаурус – «источник информации, накопившейся в памяти, от опыта,

оценок и знаний, которые можно использовать дальше в различных структурах деятельности – не только в речи, но и в поведении» [8, с. 330].

Работа по составлению тезаурусных словарей и информационно-поисковых систем, а также когнитивные исследования создали плодотворную почву для развития представления о тезаурусе как об объективно существующей языковой данности, поскольку и тезаурусные словари, и информационный тезаурус как ментальная система знаний представляют собой не что иное, как попытки ее моделирования. Вал. А. и Вл. А. Луковы пишут: «Мир входит в сознание человека в определенной последовательности, которую определяет уже сложившаяся структура тезауруса (его «топика»), как некий фильтр, отбирающая, оценивающая и преобразующая (перекодирующая, переводящая на понятный «язык») многообразные сигналы извне» [6, с. 7].

Формирование представления о тезаурусе как об объективной языковой данности является закономерным следствием развития лингвистики и гуманитарных наук в целом, представители которых считают, что понятие «тезаурус» имеет большой научный потенциал.

Мы полагаем, что тезаурус – это словесный массив, давящий на органы восприятия (главным образом на слух и зрение) человека каждый день, проникающий в сознание и полностью заполняющий его, структурирующий ход мышления и формирующий продукты словесной деятельности человека – тексты.

В более широком понимании тезаурус – это информационная сеть культуры, способ семантической организации мира. Вместе с тем как объективная доступная для исследования данность тезаурус существует только в своих индивидуальных проявлениях – тезаурус Шекспира, Пушкина и т.д. Однако индивидуальный тезаурус формируется не только и не столько волей личности, сколько волей окружающего эту личность языка.

Ключом к разработке концепции тезауруса как объективной языковой данности должно быть учение об устойчивых сочетаниях слов. Отечественные языковеды внесли наибольший вклад в разработку представления о сущности и функционировании словосочетаний, по сравнению с лингвистами других стран. Классическими работами в данной области признаются труды В.В. Виноградова, однако в основе нашей концепции тезауруса лежит учение об устойчивости всех возможных на том или ином языке сочетаний слов И.Е. Аничкова [9].

Наше представление о том, что устойчивое сочетание слов является структурным элементом языкового тезауруса, соотносится с выводами Вал. А. и Вл. А. Луковых. По их мнению, тезаурусы состоят из «тезаурусных конструкций», которые можно сравнить «с корнями слов, принимающими точное значение в сочетании с другими строительными блоками

(с префиксами, аффиксами и т.д.). Еще более точное представление о тезаурусных конструкциях дает аналогия с *идиомами* – устойчивыми фразеологическими оборотами» [6, с. 5].

Наиболее адекватной языковой формой проявления тезаурусных конструкций выступает устойчивое сочетание слов в широком понимании. Это не только собственно фразеологические единицы, но и множество стереотипных последовательностей слов, из которых буквально сплошь состоит человеческая речь в самых различных ее проявлениях и которые человек, воспринимая, невольно воспроизводит. Эта масса стереотипных последовательностей слов существует как «генетически и статистически обусловленная данность» [10, с. 53].

Единицей тезауруса, выступающего в качестве информационной сети культуры, должна признаваться единица, представляющая собой не просто элемент языка, а структуру, актуализирующую связи языковых элементов. Поэтому в роли такой единицы не может функционировать слово. Хотя отдельная лексема и потенциально содержит в себе все возможные связи, далеко не все потенции, которые можно установить, анализируя словарную дефиницию слова, реально эксплицируются в синтагматических последовательностях слов, и наоборот, могут эксплицироваться семантические связи слова, напрямую не представленные в словарной дефиниции.

Структурным элементом тезауруса как информационно ориентирующей вербальной системы должна признаваться единица, в явном виде эксплицирующая синтагматические связи слова. Реальной вербализацией связей слов выступают устойчивые сочетания слов, идиомы в самом широком смысле – последовательности слов, отвечающие критериям устойчивости и воспроизводимости носителями в «готовом виде» и в силу этого обладающими определенной степенью семантической слитности, например: *молодой человек, ходить в школу, смотреть телевизор, готовить обед, справлять день рождения, отмечать Новый год, покупать продукты, повышение цен, экономический кризис* и т.д.

Приведены примеры сочетаний, доступных рядовому носителю русского языка в быту, но не вызывает сомнения то, что из устойчивых последовательностей слов соткана основная масса всего говоримого и воспринимаемого в любой сфере человеческой деятельности. Данные сочетания чрезвычайно разнообразны по структуре и семантической наполненности, но очевидно одно: их воспроизводимость обеспечивает прогнозирование человеком понимания чужой речи (воспринимая одно слово, он начинает догадываться, каким будет последующее) – с одной стороны, и запрограммированность направления продуцирования собственной речи (произнося одно слово, человек невольно ограничивает спектр могущих последовать за ним слов) – с другой.

Совокупность сочетаний слов, наиболее часто употребляемых носителями языка на определенном историческом срезе, составляет актуальный тезаурус данного языка.

Тезаурус хранит наиболее часто используемые варианты употребления языка и в силу этого представляет собой достаточно ограниченный набор опций, которыми человек может пользоваться. Использование данных опций, с одной стороны, открывает человеку множество возможностей словоупотребления, но с другой – ограничивает эти возможности, так как ему необходимо выбирать, а не создавать.

Составляя тезаурус языка, сочетания слов организуют общее информационное поле, в котором сознание отдельного человека способно актуализировать только определенные звенья, которые, по-видимому, и составляют то, что когнитивная лингвистика называет «картиной мира».

Таким образом, тезаурус языка – это информационная сеть, в определенной степени программирующая речь человека и заполняющая его сознание. Она не существует без пользователей языка как некая независимая «вещь в себе», но для каждого отдельного человека она – то, что оказывает давление извне.

Тезаурус как информационная сеть культуры объективно существует в виде текстов, созданных в рамках этой культуры. Следовательно, восстановление информационной сети культуры необходимо осуществлять путем тезаурусного анализа текстов. Тезаурусный анализ предполагает выявление из текстов устойчивых сочетаний слов и их семантический анализ.

В качестве текстов культуры, наиболее адекватно подходящих для проведения тезаурусного анализа, стоит признать художественные произведения, популярные в данной культуре. Согласно данным интернет-рейтинга на сайте shop.top-kniga.ru наиболее популярными в современной российской культуре являются произведения В. Пелевина, С. Лукьяненко, Д. Донцовой и классика отечественной литературы Ф.М. Достоевского. Произведения данных авторов, казалось бы, невозможно сравнивать с одних и тех же позиций, так как они выполнены в совершенно разных жанрах, написаны «разным языком», несопоставимы по идейно-понятийному содержанию и читаемы разной публикой. Тем не менее, поскольку произведения данных авторов соотносятся по уровню популярности, такой набор текстов, очевидно, отвечает литературным потребностям среднестатистического россиянина и отражает весь спектр его языковых вкусов. Сопоставительный тезаурусный анализ именно таких разнородных текстов, на наш взгляд, в наиболее полной мере поможет восстановить ключевые фрагменты информационной сети современной российской культуры.

Непосредственный анализ проводился на материале произведений, имеющих наиболее высокий рейтинг читаемости: «Бесы» Ф.М. Достоевского,

«Священная книга оборотня» В. Пелевина, «Черновик» С. Лукьяненко и «Полет над гнездом индюшки» Д. Донцовой.

Первый этап тезаурусного анализа предполагает выявление из текстов устойчивых сочетаний слов. Второй этап заключается в систематизации полученных сочетаний по сериям сочетаний с тождественным словом. Такой принцип систематизации помогает определить, какие слова выступают в качестве узлов тезаурусных конструкций и какие слова раскрывают наиболее актуальные для данной культуры связи.

В результате проделанного анализа выяснилось, что наиболее крупные серии устойчивых сочетаний слов в произведении Ф.М. Достоевского образуются словами **человек** (*женатый человек, обыкновенный человек, молодой человек, наглый человек, честный человек, опасный человек, пустой, малодушный человек, благородный человек, униженный человек, праздный человек, серьезный человек, первый человек (при первом человеке), человек без толку и др.*), **дело** (*странное дело, дело пустое, то и дело, деликатнейшее дело, в этом деле, вот это дело! вот так дело! дело серьезное, в самом деле, не мое дело, щекотливое дело, для общего дела, дело случая, делать свое дело, и без вас много дела, наше дело* (особо часто воспроизводятся сочетания *общее дело и наше дело*) и др.), **время** (*некоторое время, последнее время, смутное время, до сегодняшнего времени, наше время, несколько времени, в свое время и др.*), **глаза** (*таращить глаза, выпучить глаза, не поверить своим глазам, обманывать в глаза, лгать в глаза, заглядывать в глаза, смотреть в глаза, бранить в глаза, глаза загорелись и др.*). Менее крупные серии устойчивых сочетаний слов образованы тождественными словами **идея** (*великая идея, основная идея, глубина идей, сама идея, провозгласить идею*), **голос** (*право голоса, лишить голоса, задрожал голос, скверный голос, услышать голос*), **вопрос** (*решить вопрос, ответить на вопрос, ставить вопрос, главный вопрос*).

В романе В. Пелевина наиболее крупные серии словосочетаний образованы словами **время** (*древние времена, рабочее время, тратить время, тянуть время и др.*), **дело** (*другое дело, в нашем деле, замять дело, громкое дело, приняться за дело и др.*), **глаза** (*выпучить глаза, глаза глядели, попало в глаза, злые глаза и др.*), **проблемы** (*мне бы твои проблемы, возникла проблема, неразрешимые проблемы, есть проблемы*), **мир** (*создан мир, в мире иллюзий*), **жизнь** (*пора жизни, длинная жизнь, повезло в жизни, заплатить жизнью*), менее крупные серии образуют слова **вещь, голова, день, душа, дверь**.

В романе С. Лукьяненко в крупные серии объединяются словосочетания со словами **мир** (*чужой мир, новый мир, параллельный мир, наш мир, иной мир и др.*), **дверь** (*постучать в дверь, дверь в будущее, открыть дверь, закрыть дверь*), **дело** (*первым делом, на самом деле, последнее дело*), **вещь** (*заниматься вещами, полезная вещь, лучшая вещь*), **время** (*убить*

время, проводить время, некоторое время), *глаза* (открыть глаза, наглые глаза, глаза засветились, засветить в глаза), *деньги* (одолжить денег, снять деньги, платить деньги), *человек* (обычный человек, человек-невидимка, человек с «положением», молодой человек), а также много словосочетаний со словами *девушка, путь, место, молодежь*.

У Д. Донцовой крупными сериями устойчивых словосочетаний являются серии со словами *дом* (явиться домой, вернуться домой, тащить в дом, забрать домой, прийти домой, построить дом и др.), *дело* (ввести в курс дела, в чем дело? на самом деле, странное дело и др.), *деньги* (зарабатывать огромные деньги, тратить деньги, нет денег и др.), *голова* (прийти в голову, голова болит, взбрело в голову, поднять голову), *глаза* (сонные глаза, глянуть в глаза, видеть собственными глазами, раскрыть глаза), а также со словами *небо, жизнь, день, дверь, время, путь*.

Как видно, у всех авторов тождественные слова, организующие относительно крупные серии устойчивых сочетаний слов, практически совпадают. У каждого из них встречаются серии со словами *глаза, время, человек, дело*. В каждом романе они представлены в разном количественном и словарном составе, но сам факт их наличия свидетельствует о том, что они образуют единую тезаурусную сеть словосочетаний, из которой каждый автор выбирает наиболее значимые для его произведения.

Результаты сопоставительного анализа серий сочетаний слов, выявленных из исследуемых произведений, можно представить в виде таблицы, в которой слова, образующие наиболее крупные серии сочетаний, приведены в порядке следования от более крупных серий к менее крупным (сверху вниз). Так, серия сочетаний со словом *человек* является крупнейшей в романе Достоевского (27 сочетаний), далее следует серия со словом *дело* (25 сочетаний) и т.д.

Как видно из таблицы, практически во всех проанализированных нами текстах встречаются крупные серии сочетаний со словами *дело, глаза и время*. На

втором месте по частоте использования стоят сочетания со словами *человек, вещь, деньги, путь, жизнь и дверь*. Очевидно, семантические связи данных слов формируют наиболее актуальные в настоящее время информационные блоки культуры.

Выделенные серии сочетаний слов позволяют обнаружить и некоторые отличия в тезаурусе современной беллетристики от общего тезауруса романа «Бесы», свидетельствующие об эволюционных процессах в языке, а следовательно, и в сознании людей, в их представлениях о мире в целом.

Наиболее ярко проявляются сдвиги в осмыслении того, что именуется словом *человек*. Если судить по толковым словарям, то значение слова *человек* не изменилось со времени написания романа «Бесы» (в данном случае сравнивались значения из словаря В. Даля и из современных толковых словарей), если же проанализировать устойчивые сочетания слов, в состав которых входит слово *человек*, у Достоевского и у современных авторов, то нельзя не заметить разницы.

Человек у Ф.М. Достоевского – существо социальное, обладающее определенными личными качествами, которые не свойственны ему по природе, но приписываются в социуме и представляют собой суждения об этом человеке другими людьми (*благородный человек, опасный человек, малодушный человек* и т.д.). Более того, слово *человек* употребляется в романе Достоевского всегда относительно какого-либо конкретного человека (персонажа романа), а не как обозначение любого представителя человеческого рода.

В произведениях современных авторов *человек* – это некто, один из многих, просто другой, не имеющий никакой значимости, и поэтому его характеристики и личные качества совершенно не важны и не указываются в тексте. Доказательством этого служит тот факт, что, хотя устойчивые сочетания со словом *человек* составляют довольно крупную серию в произведении С. Лукьяненко и иногда встречаются в романах В. Пелевина и Д. Донцовой, они и по численности гораздо меньше, чем у Ф.М. Достоевского, и по свое-

Слова, образующие наиболее крупные серии устойчивых сочетаний слов

Ф.М. Достоевский	В. Пелевин	С. Лукьяненко	Д. Донцова
Человек	Время	Мир	Дом
Дело	Дело	Дверь	Дело
Глаза	Глаза	Дело	Деньги
Время	Проблемы	Вещь	Голова
Идея	Мир	Время	Глаза
Голос	Жизнь	Глаза	Небо
Вопрос	Вещь	Деньги	Жизнь
	Голова	Человек	День
	Душа	Девушка	Дверь
	Дверь	Путь	Время
			Путь

му словарному составу менее разнообразны. Во всех современных произведениях часто употребляется сочетание *молодой человек*, причем не в значении указания на возраст, а как обращение к прохожему, даже и немолодому. Также часто встречается сочетание *обычный человек* (во множественном числе *обычные люди* или *простые люди*) и сочетание с наречием *несколько человек*.

Сочетания слов, в которых указываются более конкретные качества человека, крайне редки и значительно менее устойчивы, чем у Достоевского: *человек в цилиндре*, *западный человек*, *сострадательный человек* (В. Пелевин), *человек-невидимка*, *человек «с положением»* (С. Лукьяненко). У Д. Донцовой подобные устойчивые сочетания со словом *человек* (кроме *молодой человек* и *обычные люди*) не обнаружены.

В современных произведениях наблюдается тенденция к замене устойчивых сочетаний со словом *человек* сочетаниями с другими словами смежных информационных сфер: *мужчина в возрасте*, *мужчина средних лет*, *молодой парень* (особенно часто употребляется, если речь идет о возрасте человека), *молоденькая девушка*, *любимая девушка*, *одинокая женщина* и т.п. Иначе говоря, если авторам необходимо конкретизировать качества отдельного персонажа, то употребляются не устойчивые сочетания со словом *человек*, а другие устойчивые сочетания.

Это свидетельствует о переоценке значимости понятия «человек» в современном мире, которая, однако, происходит на фоне общей пропаганды абсолютной ценности человеческой жизни и прав человека. На деле современный человек гораздо острее осознает свою уязвимость и никчемность, чем предыдущие поколения. Об этом буквально кричат произведения современной культуры. И это фиксируется в тезаурусной сети культуры в употреблении слова *человек* в составе устойчивых словосочетаний.

Вероятно, причиной переоценки значимости понятия «человек» являются естественные (обусловленные определенными объективными причинами и протекающие по определенным закономерностям) информационные процессы в культурной среде. Например, установлена такая зависимость, что при частом воспроизведении одной и той же информации сначала происходит увеличение количества этой информации, а затем начинается процесс ее постепенного обесценивания: она перестает воздействовать на человека, так как сознание человека уже заполнено этой информацией.

Можно предположить, что чрезмерно частое употребление слова *человек* в составе устойчивых сочетаний слов на рубеже XIX–XX вв. (например, в романах Ф.М. Достоевского) привело к переоценке смысла, вкладываемого в это слово. Подействовал механизм частого повторения одной и той же информации: к ней привыкли, ослабилось ее критическое

восприятие, данная информация устарела и стала воспроизводиться на уровне формул в бесконечных разговорах о гуманистических идеалах. Благодаря частому воспроизведению сочетаний со словом *человек*, само это слово утратило свою значимость, и, как следствие, утратило свою значимость все то, что связано с этим словом в реальности.

Частое повторение определенного сочетания слов сначала приводит к стабилизации сообщаемой им информации, а затем к постепенному уменьшению ее количества. Так, в рекламной практике уже достаточно давно замечено, что, с одной стороны, чем чаще повторяешь одно и то же, тем быстрее человек это усваивает и начинает воспринимать как данность. Но наступает такой момент, когда повторенный сто раз рекламный ролик начинает надоедать, потребитель перестает воспринимать его так, как нужно рекламодателю, и рекламист вынужден его менять. Эту закономерность специалисты по рекламе вывели, опираясь на многолетний опыт работы. На самом деле, это объективная закономерность, связанная более не с особенностями человеческой психики, как многие полагают, а с общими информационными процессами в окружающем нас мире.

Проявление данной закономерности обнаруживается и при анализе серий сочетаний со словом *дело*. Если в романе Ф.М. Достоевского имеется много устойчивых сочетаний слов, называющих конкретные характеристики дела, так что само дело становится чем-то определенным, важным (*странное дело*, *пустое дело*, *деликатнейшее дело*, *щекотливое дело*, *серьезное дело*, *общее дело*), то в произведениях современных авторов преобладают сочетания, в которых слово *дело* не указывает на некий процесс или состояние, ситуацию, предмет занятий или работу (то, что заложено в лексическом значении данного слова), а употребляется в составе формул речи, необходимых для связи фрагментов текста: *на самом деле*; *первым делом*; *дело в том, что*; *в чем дело*; *это другое дело* и т.п.

Обороты, в которых слово *дело* выступает в своем номинативном значении, встречаются, но частотность их появления в текстах крайне низка, например: *последнее дело* (С. Лукьяненко), *замять дело*, *иметь дело с кем-либо* (В. Пелевин, Д. Донская); перечисленные выше речевые формулы встречаются у всех авторов почти на каждой странице.

Относительно стабильными в плане сохранения информации являются сочетания со словами *время* и *глаза*. Обороты со словом **время**: *убить время*, *проводить время*, *некоторое время*, *в древние времена*, *лучшее время*, *в рабочее время*, *платное время*, *тратить время*, *в свое время*. Обороты со словом **глаза**: *открыть глаза*, *закрыть глаза*, *наглые глаза*, *злые глаза*, *выпучить глаза*, *глядеть в глаза* и др. Как видно, многие сочетания практически полностью и по форме, и по семантике совпадают с аналогичными сочетаниями из романа Достоевского.

Видимо, невысокая интенсивность переосмысления значения слов *время* и *глаза* в этих сочетаниях объясняется тем, что, во-первых, серии с данными словами менее многочисленны и в романе Достоевского, и в произведениях современных авторов, чем серии со словами *человек* и *дело*, а во-вторых, что обороты со словами *глаза* и *время* менее часто повторяются в данных текстах. Таким образом, не выполняется условие чрезмерно частого повторения одной и той же информации, поэтому общее количество информации в большинстве сочетаний сохраняется. Более того, на наш взгляд, в настоящее время происходит учащение употребления устойчивых сочетаний со словом *время*, т.е. происходит процесс нарастания и стабилизации информации, сообщаемой данным словом.

В сериях устойчивых сочетаний со словом *глаза* в современной литературе имеются обороты, воспроизведение которых в близком контексте может привести к реорганизации информации: *глаза глядели и глядеть в глаза, глаза светились и засветить в глаз*. В первой паре сочетаний лексемы *глядеть* и *глаза* организуют словосочетания разной грамматической структуры, так что в первом сочетании глагол обозначает действие глаз, а во втором – действие, направленное на глаза, но само это действие одно и то же (действие, направленное на глаза, можно выразить первым сочетанием слов, *глаза глядели*). Во второй паре оборотов формально наблюдается аналогичное явление: *глаза засветились* обозначает действие (характеристику) глаз, а *засветить в глаз* – действие, направленное на глаза, однако это действие не имеет никакого отношения к собственным характеристикам глаз. *Засветить в глаз* – значит, сильно ударить в глаз. Мы полагаем, что появление этого устойчивого оборота было запрограммировано в языке частым повторением сочетания *глаза засветились*, так что оборот *засветить в глаз* – одно из возможных следствий этого воспроизведения.

В произведениях современной беллетристики выделяются крупные серии сочетаний слов, которые не обнаруживаются в романе Ф.М. Достоевского. Это серии со словами *голова* (*брат в голову, голова болит, взбрело в голову, вытало из головы, поднять голову, прийти в голову* и др.), *деньги* (*зарабатывать деньги, тратить деньги, нет денег, время – деньги* и др.) и *проблема* (*возникла проблема, мне бы твои проблемы, неразрешимая проблема, серьезная проблема, нет проблем*).

Конечно, нельзя сказать, что сочетания с данными словами не употребляются у Достоевского, просто они не столь многочисленны и менее устойчивы (не производят впечатление шаблонных). Увеличение количества устойчивых сочетаний с данными словами и их частое употребление в художественной литературе может означать, что очерчиваемые ими информационные сферы становятся весьма значимыми для со-

временного человека и в настоящее время являются смежными к сферам «человек», «дело», «время».

Предложенный вариант тезаурусного анализа на материале отдельных литературных произведений, конечно, не позволяет сделать обобщающие выводы относительно организации информационной сети культуры в целом, но дает возможность продемонстрировать высокий потенциал тезаурусного анализа для изучения информационной сети культуры.

Во-первых, на основе тезаурусного анализа можно выявить основные информационные узлы современной культуры, в какой-то степени обуславливающие восприятие человеком окружающего мира, дающие ему определенные установки поведения, программирующие направление мышления, в общем, выполняющие ориентационную функцию. В частности, как показывает анализ популярных у современного россиянина литературных произведений, наиболее значимые сегодня информационные узлы формируются тезаурусными конструкциями со словами *человек, дело, время, глаза, голова, проблема, деньги, вещь, жизнь, путь, дверь*. В данных словах заключаются основные ориентиры современной культуры, а устойчивые сочетания с ними, воспроизводимые в художественных текстах, актуализируют направления движения информации, связанные с этими ориентирами.

Во-вторых, тезаурусный анализ позволяет отслеживать информационные процессы культуры и дает возможность прогнозировать, как будет происходить изменение информации с точки зрения ее количества и оценки и в каком направлении. Это устанавливается по частоте актуализации определенных тезаурусных конструкций в определенный период времени.

Но самое главное, тезаурусный анализ текстов позволяет сформировать новое научное представление о способах организации культурной информации в целом. Конечно, информационная сеть культуры включает не только лингвистический аспект, но также и информацию, заключенную в произведениях живописи, музыки и т.д. Однако язык, будучи первичной, универсальной и естественной семиотической системой, может интерпретировать другие ипостаси культурной информации в своих знаках. Важность лингвистического анализа произведений культуры трудно переоценить, ведь и при изучении произведений живописи ученые-культурологи излагают свои знания при помощи языковых средств. Арсенал языковых средств, модели их использования и даже в определенной степени выбор этих средств человеком во многом определяются сложившимися в данной культуре тезаурусными конструкциями.

Таким образом, тезаурус – это информационная сеть культуры, специфика которой состоит в том, что она создана и «культивируется» человеком, но в то же время и задает параметры его существования и осмысления его положения в мире.

Библиографический список

1. Халина, Н.В. Трансцендентальный детерминизм как форма языкового самоосуществления человека: языковой материализм и языковой реализм, или физический и трансцендентальный типы детерминизма / Н.В. Халина // Очерки по лингвистической дериватологии и детерминалогии русского языка. – Барнаул, 1998.
2. Меркулов, И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) : в 2 т. / И.П. Меркулов. – СПб., 2003. – Т. 1.
3. Моль, А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. Моль. – М., 1966.
4. Шайкевич, А.Я. Тезаурус / А.Я. Шайкевич // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
5. Рязанцева, Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом / Т.И. Рязанцева. – М., 2008.
6. Луков, Вал. А. Тезаурусный анализ мировой культуры / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. тр. – Вып. 1. – М., 2005.
7. Мириманова, М.С. Конфликтология / М.С. Мириманова. – М., 2003.
8. Кубрякова, Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека / Е.С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М., 2007.
9. Аничков, И.Е. Труды по языкознанию / И.Е. Аничков. – СПб., 1997.
- Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 2007.